

ПИСЬМА С ФРОНТА—ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК *З. А. Зверева (г. Череповец)*

Фронтовые письма — документы особого качества. Авторы писем не рассчитывали, конечно, на их публикацию. Улучив свободную минутку между боями, нередко и под огнем врага, они спешили поведать о своих мыслях и чувствах, мечтах и желаниях, то «самое главное, о котором не успели сказать раньше». Солдат, смотревший смерти в глаза, — не лжет, и потому каждая строчка фронтового «треугольника» — искренняя.

Особенностью писем является скромность писавших, отсутствие бравады, желания выделиться. Они охотнее говорят о героизме товарищей, чем о своих подвигах. Чувству дружбы, взаимовыручки солдатского братства уделяется немало места.

С особым волнением читаются строки о любви. Солдаты стараются уберечь близких от переживаний, успокаивают их.

И везде — удивительный оптимизм (даже в тяжелые 1941—42 годы), вера в победу, чувство человеческого достоинства. Торжественная лексика, несколько высокопарный тон не снижают этой искренности — они, эти мальчишки, так и думали, так и были патриотично настроены. И, отдав жизнь за Родину, доказали это.

Они, письма с фронта, подтверждают самое важное: в любые годы, в тяжелейшие испытания человек должен оставаться человеком, особенно это важно в сегодняшние времена.

Сейчас даже взгляд на Великую Отечественную войну кое-кто начинает менять, подвергать сомнению то, что должно быть свято. Именно поэтому нам важны подлинные документы тех лет — а это фронтовые письма тех, кто делал историю войны, историю страны.

В музее истории школы № 1 хранятся 76 подлинников, 43 копии фронтовых писем. Это треугольники, сложенные солдатами, прямоугольники с заклеенными сторонами. На них даже типографские предупреждения: «Ниже черты не пишите», «Выше черты не пишите» для того, чтобы можно потом согнуть и заклеить, так как конвертов не хватало. На многих из них напечатаны плакаты, слова из песен, карикатуры. Каждое письмо любовно переписано в альбом учениками школы.

Мне хочется начать с письма из 1941 года от погибшего первым нашего выпускника Александра Лаврова. Его письмо написано за 10 дней до начала войны и было последним. Оно шло еще по почте, а Саша уже погиб. Мама 41 год бережно хранила это письмо, а перед смертью отдала детям, которые передали его в наш школьный музей на вечное хранение.

«...Я нахожусь сейчас в Западной Белоруссии, недалеко от г. Бельска, у границы с Германией. Служу в танковых войсках....Живем в лесу, гулять сейчас никого не отпускают. Население кругом поляки, живут хорошо, есть, конечно, много и недовольных.

Мама, как у вас с питанием? И, вообще, как живут в Череповце? Пусть напишут Жоржик и Вова о своем бытье!

Пишите, жду. Шурик.

12 июня 1941 г.»

Вечная тебе память, Саша Лавров!

И проходят перед нами такие разные солдатские письма, пожелтевшие письма без марок. Разными были молодые ребята, писавшие их. Объединяло их одно: любовь к Родине, верность боевому долгу, готовность к подвигу, любовь к родным. И веришь их оптимизму, ибо нельзя не победить с такими защитниками. А еще появляется чувство гордости до слез в глазах за их поколение, гордость за родителей и учителей, воспитавших их такими.

В будничных строках этих писем мы видим и суровую правду войны.

Из письма Александра Иванова девушке: «...Ты пишешь, что я часто впадаю в уныние и не верю в свои силы. Против этого я протестую категорически. Я уже привык чувствовать себя солдатом, а это достаточно, чтобы быть бодрым».

Ярославцев Женя, увлекавшийся в школе радиотехникой, отличник, спортсмен, в 1939 году поступивший в Лесотехническую академию, в письме из блокадного Ленинграда рассказывает о трагической обстановке в городе, об ужасах блокады, но заканчивает оптимистично: «...Так и живет сейчас Ленинград, но он еще силен духом и не теряет веры в хорошее будущее, надеясь, что Красная Армия прорвет кольцо блокады. Так живу и я. Ухожу в армию и не знаю, что будет со мной, приложу все силы к тому, чтобы облегчить положение Ленинграда, приложу все силы, чтобы приблизить час победы над врагом...»

Женя умер от ран 1 января 1942 года. Захоронен на Пискаревском кладбище.

Лев Ефремов в письме от 4 января 1943 года пишет: «...Вчера только вышли из боя, немного дали отдохнуть, сегодня посушиться в хату пришли. Многие из товарищей погибли на поле боя. Рассуждать не приходится, войн без жертв не бывает, все же, как ни трудно, гитлеризм будет уничтожен. Умрем, а победим!»

А 30 января 1943 года, в 5 часов утра, в бою Лев Ефремов погиб смертью храбрых.

Долго не знали родные о месте захоронения сына. В 1976 году пионеры Ворошиловградской области написали в Череповец, что в селе Новокасиянке есть братская могила, где захоронено 100 человек, среди них Лев Ефремов.

Вася Боголюбов, бредивший небом, досрочно сдал экзамены за 9 класс и поступил в летное училище. Едва научившись летать, попал на фронт. 15 июня 1943 года он пишет домой: «Была страшная бомбежка, и вот в ответ на нее вылетаю с подарком для фрицев, от которого они все приходят в ужас!» В этот день Вася погиб в небе над Ростовом-на-Дону.

Одним из видов фронтовых писем были письма-свидетельства однополчан.

Выпускник 1938 года Володя Глыбин был секретарем комсомольской организации школы. Поступил в Ленинградский горный институт, после 1 курса направлен по комсомольской путевке в Военно-морское училище в Севастополь. Командовал артиллерийской батареей при освобождении Белоруссии. О его смерти узнали из письма фронтового друга Володи Кабасенкова: «...В город Петриков мы ворвались первыми. Подразделение, которым командовал Володя, остановилось в городе. Нужно было найти огневую позицию, поставить грозное орудие и снова бить по врагу беспощадно. Но все поле было сплошь заминировано. Здесь он и погиб, подорвавшись на mine. На другой день в саду города Петрикова он был похоронен».

Изя Рубенштейн, любимец ребят и учителей, был очень разносторонним человеком. Когда началась война, он, студент Ленинградского электротехнического института, вступает в ряды народного ополчения. Своей любимой учительнице Алексеевой Ангелине Анатольевне он пишет: «...Мне 22 года, сколько еще будет, не знаю, но знаю одно: «Фашисты будут уничтожены...»

Посылая в письме однокласснице свою фотокарточку, он написал: «Мы надели эту форму, чтобы победить или умереть. Середины не может быть».

Изя погиб 22 августа 1944 года.

Его братьям пришло еще одно письмо с фронта, но оно было от боевых друзей Изи: «Ваш брат пал смертью храбрых за нашу Родину, за наш народ. Похоронили мы его с почестями, отдав ему наш последний воинский долг — салют над его могилой героя...»

О выпускнике 1941 года, лейтенанте Билютине Владимире, скончавшемся от смертельного ранения и награжденном посмертно орденом Отечественной войны II-й степени, пишет его фронтовой друг Су-ручан: «Я много раз убеждался, какой он был человек: преданный Родине, самоотверженный, честный, горячо любящий свою семью».

Юрий Пивушков родился в 1925 году в Череповце. В армию призван в январе 1943 года. Погиб 1 июля 1944 года, возвращаясь из разведки в тылу врага около д. Кукарево Березинского района Белоруссии, где бережно хранят память о нем. Каким был этот мальчик?

Вот несколько выдержек из дневника его — еще ученика. Его скупые строки говорят о многом:

«...Сегодня сообщили по радио, что войска Германии перешли советскую границу без объявления войны. Папу взяли в армию уже сегодня. А мы освобождали школу до часу ночи, в ней будет госпиталь...»

11 августа 1941 года. «...Школьникам, которым исполнилось 16 лет, приказано явиться в школу с вещами. Отправляют на прифронтовую полосу. Я тоже поеду, хоть мне шестнадцати и нет, поедут товарищи по классу, уговорю комиссию...»

18 ноября. «После уроков было комсомольское собрание. Решили сделать несколько деревянных коробок для мин. Надо помочь фронту. Это небольшая, но важная работа. Сколько фашистов-головорезов взорвется на наших минах!

Регулярно каждый день закаляю себя для фронта, для боев с фашистами...»

17 января 1943 года. «Две недели, как в армии. Выдали оружие — немецкую винтовку. Есть слухи, что учить будут 9 месяцев».

Из фронтовых писем:

«...В боях уже несколько раз. Хороший был у меня командир роты, бывший учитель из Донбасса, но он тоже ранен. А еще друг по училищу. Его ранил снайпер. Я ходил в разведку, захватил трех языков...»

30 марта, из госпиталя.

А это последнее письмо Юрия: «...Сейчас нахожусь в части. Все у меня есть, кроме бумаги, писать совсем нечем. Мама, пошли бандеролью бумаги, чернильных таблеток и карандашей.

Живем сейчас недалеко от передовой в большом доме вчетвером. Мирных жителей нет. Немец, удирая, не успел сжечь постройки. Совсем другая картина была под Смоленском — все выжгли, взорвали.

Лесу тут мало, все поля, холмы, лощины. Видно далеко, далеко... Речки здесь маленькие, так что рыба по омутам водится. На днях я поймал двух налимов, оба будут по килограмму. Пока обучаемся, чтобы в предстоящих боях, которые будут такими, каких еще не было за всю войну, не подкачать. Уж ударить, так ударить — со всей силой нашей техники.

...Я часто бываю в разведке, но ничего. Очевидно, под счастливой звездой родился. Товарищи у меня хорошие, вечером откроем окно, поем песни... Жаль только мирных жителей... Вот почему и хочется мстить врагу...»

Славный, чистый юноша, горячо любящий свою Родину, свой город, свой дом, свою семью. Умеющий дружить, тонко понимающий природу, по-мальчишески радующийся выловленным налимам...

Авенир Власенков после окончания 10 классов, 9 января 1943 года, был призван в армию. Когда окончил школу парашютистов, воевал на Карельском и Белорусском фронтах. Участвовал в боях за освобождение Венгрии. 25 марта 1945 года ранен, 19 мая скончался от ран, похоронен на городском кладбище г. Секшефехервара.

«...Здравствуй, дорогая моя мама! Наконец-то я собрался и пишу подробно о моей фронтовой жизни. Раньше я писал все наспех, а сейчас, пока есть время, напишу побольше. Нахожусь я на Карельском фронте, воем с фашистами...

21 июня участвовал в первом бою за реку Свирь. Я тебе писал уже об этом. Так за этот бой я получил медаль «За боевые заслуги» и решил вступить в партию. Сейчас уже получил кандидатскую карточку.

После форсирования реки Свирь гнали фашистов более двухсот километров по лесам и болотам. Сейчас недалеко от границы и скоро будем в Финляндии. Тогда уж берегись, финские собаки! Наши гвардейцы показали себя, и еще не один раз покажут им, как надо драться.

Пока здесь спокойно, но все-таки нет-нет да и запустят несколько штук снарядов, но и нам есть чем ответить, тоже не молчим...»

Судьба сделала, Авениру подарок — позволила увидеть родные места: «...14 августа проезжал мимо Череповца. Сообщить не мог. Едем на формировку, неизвестно куда... Как мне было обидно, что не удалось повидаться с вами, а может быть, больше и не увидимся...»

Август 1944 года.

«...Только, мама, я скучаю по вас сильно, только и жду ваших писем и сам пишу часто. Эх, как бы я сейчас побывал в Череповце! Сходил бы к родным, знакомым... Да и не у меня одного такая мечта, все ребята не прочь побывать дома хоть на один час...»

Из Венгрии он пишет: «...Здесь сейчас уже тепло, начинают зеленеть деревья. Но это все, мама, не радует, лучше бы черный хлеб, снег, мороз, только на родной земле!... Будем на их земле бить их, гадов!

Твой сын Авенир.

26 марта 1945 года».

После смерти сына, весной 1945 года, Власенкова Наталья Арсеньевна написала стихи «Память о сыне». Нельзя без волнения читать о горе, выплеснутом на бумагу. Это плач матери и патриотки. По силе это стихотворение достойно стоять в одном ряду с поэмой Антокольского «Сын». Становится понятно, почему у такой матери не могло быть по- другому настроенного сына. Начинается стихотворение так:

Прощай, мой сын любимый, —

Так говорила мать,

В бой сына провожая

С врагами воевать.

Прощай, мой сын, и помни,

Храни в душе своей Любовь к Отчизне нашей

И матери своей...

В письмах с фронта постоянно звучит трогательная забота о близких, их здоровье, хозяйская забота о делах дома, интерес к родному городу, школе...

С особенной теплотой и заботой обращается к младшим братьям и сестрам юнга Северного флота Гурий Гурьянов, погибший во время взрыва корабля в 18 лет: «...а Борьке передай — когда я приеду, ему от меня попадет, ведь он еще не понимает, что значит для человека образование. Вот и здесь у нас есть такие, которые вроде него не хотели учиться на гражданке, и сейчас их здорово затирает. Так же и с ним получится, когда ему придется идти в армию...

...А сестренке скажи, что я разрешаю брать им с моей полки все, кроме марок...

Александр Новожилов, погибший в апреле 1942 года, пишет младшей сестре: «...Тасечка, ты, видимо, еще не учишься в школе, занимайся самостоятельно, помогай в работе маме, береги ее...»

Борис Михалев, одаренный юноша, игравший на нескольких инструментах, закончивший военное училище и погибший смертью храбрых, писал сестре Тамаре: «...Я прошу тебя уважать и любить маму, никогда не ругаться с ней...»

Тоска по дому и большая любовь чувствуется и в обращениях ребят к родным: «Милая мама», «сестренка», «братишка». Реже — «отец», потому что отцы тоже воевали.

Выпускник школы Александр Маршалкович во время войны был врачом медсанроты 2-го батальона 32-й отдельной стрелковой бригады, ведущей бои по прорыву Ленинградской блокады со стороны Волховского фронта.

С фронта Саша прислал родителям 59 писем, бодрых, веселых. После 20.09.42 года писем не было.

Военный фельдшер Лебедев рассказал в письме родителям об обстоятельствах смерти Саши: «...Бой у Черной речки был очень тяжелым. Погибли два санинструктора, фельдшер, а потом был смертельно ранен в грудь Саша...»

В 1971 году следопыты из Калининграда разыскали 180 могил солдат и офицеров. Нашли и могилу Маршалковича. Один однополчанин

написал о Саше: «...Александр Маршалкович был веселый, живой, энергичный молодой человек, хороший врач и отличный товарищ...»

К 50-летию Победы мы всем ветеранам, оставшимся в живых, приготовили 85 «фронтовых» посылок, в каждую из которых, как тогда, в далекие военные годы, положили вместе с письмом теплые носки, рукавицы, кисет и вышитый носовой платок. Когда эти посылки вручали, плакали не только женщины...

В нашей школе ежегодно проходит конкурс музыкантов имени Вали Буйко. Он пользуется большой популярностью и быть его призером очень почетно.

Выпускник 1937 года Валентин Буйко был скрипач. Скрипач талантливый. Он занимался в оркестре Дома пионеров, играл на концертах, на школьных вечерах.

И на войну он взял с собою скрипку. Валя играл в перерывах между боями для бойцов. Во время одной из бомбежек он погиб со скрипкой в руках прямо на глазах у товарищей.

...Каждый солдат видел свою войну. И каждый раз, прикасаясь к исписанным разными почерками страницам солдатских писем, испытываешь какой-то удивительный трепет, ждешь новой встречи с «Памятью».

Эти страницы бесценны. В них — человеческое сердце, неповторимый опыт, ум нашего современника, солдата и гражданина.

Константин Симонов страстно выступал за сохранение каждого солдатского слова о войне, каждого воспоминания, каждого письма с фронта — ибо в них правда истории, правда войны. Недаром сказано, что всю правду о войне знает только народ. Письма с войны — живое тому свидетельство.

Источник:

Зверева З.А. Письма с фронта - исторический источник / З.А. Зверева //Воинский подвиг защитников Отечества. - Вологда. - Ч. 4. - 2000. - С. 84-91